

Слёзы Турана -13: Под черным знаменем

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -13: Под черным знаменем ПОД ЧЕРНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Стрела ранит тело, а слово – душу.

...А пока в шатре с позолоченным куполом делилась шкура неубитой лани, хорасанское войско жило своими законами и обычаями. Огромное, разноплеменное, оно, как проголодавшийся хищник, готово было поглотить любые города, народности, богатства... Еще Низам-аль-Мулком, атабек Мелик-шаха выработал особую систему дрессировки этого страшного зверя, съедавшего большую часть казны у государства. Мудрый правитель в те времена советовал Ме-лик-шаху не давать застаиваться армии на одном месте, советуя, как саранчу, гнать ее на новые нивы.

И сейчас, видя перед собой лакомый кусочек, этот прожорливый хищник мурлыкал, облизываясь и предвкушая жирную добычу, лучшая часть которой должна достаться военачальникам.

Огузы, как родственники султана, в армии занимали особое положение, – хотя у придворной знати к ним были свои скрытые отношения. Еще Мелик-шах хотел степных братьев приобщить к иранской культуре. С этой целью на службу во дворец была взята именитая молодежь. 15 тысяч отборных огузских воинов составляли лучшую часть войска. Они принимали участие во всех походах султана. Закаленные кочевники были храбрыми и ловкими воинами. Зная гордый характер степняков, мало кто из приближенных к трону пытался вставать на их пути. Свободные огузы за каждое оскорбление платили ударами меча. Арабские и персидские военачальники старались стороной обходить родственников султана – его испытанную гвардию.

В лагере под Самаркандом огузы разбили стоянку отдельно от других тысячей. Узкая ложбина, заполненная горячими степняками, пылала таким количеством костров, что их можно было сравнить с количеством звезд на небе. Но хотя костры и

были одинаковы по размеру, законы около каждого из них – свои. Ярче других пылал костер Онгона. Вчера, когда солнце поднялось на высоту копья, хан со своими гулямами выезжал в степь. Им встретился небольшой отряд каракитаев. Воины славно порубились. В лагерь привезли полный мешок голов, и сегодня, в честь успешной битвы, хан Онгон решил устроить пир. Слуги разбили запасные шатры, расстелили дорогие ковры. Воины и стража принесли меха с вином, расставили серебряную и деревянную посуду, а чтобы доносчики не мешали гулять, Онгон послал к султанскому шатру гонца, чтобы предупредить визиря: огузы хотят перед завтрашним наступлением на Самарканд принести жертву небу.

В стороне от ковров в землю было врыто черное знамя. Около его древка темнела черная кошма.

Онгон зло перебирал волосы бороды.

– Где же он? – рычал он на охрану.

– Собаку силой на охоту не погонишь! – ответил сотник.

– Можно... силой. Мы же пришли под знамя султана, чтобы заплатить налог кровью. А почему это не касается Чепни? Разве его род не младше моего? Он должен подчиняться мне, Онгону!

– Мой господин, но Чепни уехал на охоту, и до заката солнца его никто не увидит.

– Возьми десятка три воинов. Обшарьте всю степь и не возвращайтесь без этого обрезка. Если не выполните приказ, то в кожаный мешок я сложу ваши головы! – Онгон прищурил маленькие глаза на жирном лице. – Я хочу веселиться. Пусть к победе моего меча прибавится и победа над презренным родом! – Онгон отпил из позолоченной чаши вина и шелковым платком вытер губы. – Я выполняю завет своего деда. Я задушу этого негодяя собственными руками и заставлю род Чепни глотать пыль из-под копыт моего коня. Идите! И помните: тесная обувь достается хрому!..

Пир был в самом разгаре, когда из темноты к костру подъехал статный всадник. На его голове сверкал высокий, украшенный павлиньими перьями шлем. Грудь прикрывал панцирь, притянутый сыромятными ремнями. На боку – широкий меч. Огненный жеребец косил бешеным глазом, танцуя на песке.

– Слава великим огузам! – крикнул джигит, поднимая для приветствия правую руку.

– Слава! – охотно ответили сидевшие у костра.

– Иди к нам!..

– Сюда! У нас баран жирнее, – закричали воины, приглашая всадника к трапезе.

Сзади подъехало еще несколько молодых воинов. Почти у каждого виднелась убитая дичь. Воины спрыгнули с лошадей, подхватывая наполненные чаши.

– Больших вам побед, храбрые огузы!

В свете костров взметнулись кубки.

– Слава отважному Джавалдуру!

– Пусть сто лет его твердая рука будет крепка в бою, так же, как остер и крепок его ум в спорах.

Зазвенело оружие, зашуршали шелковые одежды.

И только Онгон не поднял кубка. Он ласково улыбался, а душа его клокотала. Рука потянулась к чаше с вином, но хотелось обнажить кинжал. Деда и прадеды Онгона были знатнее и богаче рода Джавалдура. Их стада баранов и лошадей никто и никогда не мог сосчитать. Но редко на пирах их род встречался с такими почестями. Онгон ненавидел Джавалдура и Чепни за их смелость, находчивость и отвагу. За почет и уважение к ним воинов. Но все это до поры... сегодня он покажет этим презренным нищим! Онгон посмотрел на черное знамя, которое тяжелой тучей нависло над кострами и колыхалось от ветра.

Разгоряченный вином и охотой, веселый Чепни уселся у костра, и лихо ударил по шелковым струнам чанга. Его голос был далеко слышен в широкой степи, и звонкая песня понеслась туда, где высились зубчатые стены Самарканда.

– Долго ли будешь слушать о Рустаме?

Ты думаешь, что не было ему подобных по мужеству?

Если вспомнить о боях Гаршаепа,

то хвастливый Рустам – это тот, кого паршивый дэв поднял до облаков и бросил в реку;

бежал он от Хумана с тяжелой палицей...

Побил его страж поля в Мазеидеране;

а полководца Гаршаепа никогда и

никто одолеть не мог, и везде его славили: в Индии, Руме и Чине...

Лицо Онгона исказилось злобой. В песне он слышал новые оскорбления. Ему казалось, что Чепни напоминает о том, что он – предок знатного рода всегда остается в тени.

– Клянусь острием моего меча, что мы вспомним о славных воинах старинного предания в битве, которая начнется завтра! И я хочу еще раз вашу кровь взволновать нашей, степной песней! – крикнул огузам Чепни.

– Сколько заплатишь, столько и бараньих потрохов съешь, – тихо сказал Онгон.

И хотя говорил он негромко, у костра, где сидел Чепни, его слова слышали. Друзья Чепни насторожились.

– Собака в доме хозяина – лев! – ответил Джа-валдур.

– Длинный язык вашего рода знают далеко, – огрызнулся Онгон. – А знают ли люди о вашем телячьем уме, который не чтит законы, доставшиеся в наследство от отцов? Посмотри туда! – и Онгон откинул руку в сторону черного знамени.

Пирующие повернули головы.

– Пусть тот, у кого родился сын, идет под белое знамя, на белую кошму и ест мясо белого барана. – Речисто и громко сказал Онгон. – Не так ли нам говорили предки ушедшие в загробную жизнь? У кого дочь, пусть сядет под красное знамя, на красную кошму и ест мясо красного барана. – А тот, – Онгон хлестнул плетью по костру, – у кого нет детей, пусть идет под черное знамя и на черной кошме ест мясо черного барана!..

Все замерли. Тишина была такая, что слышно было, как в Самарканде кузнецы отбивали оружие.

– Песня славит героя. А тому, кто позорит достоинство мужчин на женской половине, остается только петь о подвигах других. Ха-ха-ха! – рассмеялся Онгон, упираясь плетью в бок.

Его дружно поддержали родственники и приближенные.

Воины Джавалдура вскочили, схватившись за мечи, но властным жестом Чепни остановил их.

– Только законы отцов и дедов, долг гостеприимства удерживают меня показать тебе свои достоинства. И каждый из твоего племени знает, что я дал клятву быть верным только одной

женщине, которая спасла мне жизнь в битве. И каждый знает, что эта женщина, как тот тутовник, который не приносит ягод!.. Виноват ли в том мой дух, что я не могу передать его наследнику, что я не имею потомства?.. Но ты, подлая собака, еще увидишь, что я могу любому и каждому доказать мечом свои мужские достоинства. Есть ли они у тебя? Выйдем в открытое поле и копьями решим наш спор. Выходи, шакал! – Рослый, внушительный Джавалдур разгневался.

– Наш славный Джавалдур! Ответь этой поганой свинье достойным ударом. Или, клянемся, мы сами изрубим ее на мелкие куски! – закричали воины.

Гости расступились большим кругом, давая место для поединка. Воин, обвешанный оружием, хлестнул землю плетью.

– Докажи этому шакалу, что мы можем постоять за свою честь!

Седобородый Джавалдур, выдавший на земле многое, молча смотрел на своего противника, заложив руки за спину.

– Отомсти, славный Джавалдур! Или боишься? Не ослабла ли твоя рука? Не хочешь сам, тогда пусти нас!..

Плотный круг огузов выжидаяще молчал. Никто не вмешивался в спор, который начался еще по вине предков.

Джавалдур гладил пышные усы и молчал. Горячий Чепни выхватил меч, но старый воин с лицом в шрамах и рубцах так посмотрел на него, что Чепни тут же вогнал меч в ножны.

– Я и сам могу расправиться с ним, но свой удар поберегу...

– Сам не хочешь и мне не разрешаешь, – Чепни бросил миску с мясом на землю. – Лучше умереть с голоду, чем есть у подлых людей!

Телохранители плотнее собрались около вождя. Яркое пламя костра играло на их крепких, бронзовых лицах.

Широко раскинув плащ, Онгон стоял на ковре, ожидая нападения. Меч его на две ладони был уже вынут из ножен.

– Убей его, – требовал Чепни, – или я уйду со своими лихими джигитами к кровожадным абхазам. Свое золото и голову вручу тому, кто с крестом, упаду к ногам одетого в ризу. Джавалдур, отомсти! Или, клянусь, я возьму в жены светловолосую дочь гяура! – Чепни рванулся к костру, где стоял Онгон, но джигиты навалились на крутые плечи и усадили воина на ковер.

– Онгон! – обратился Джавалдур. – Ты решил опозорить Чепни, но помни, наш поединок решит спор. Мой удар меча остается при мне. – Старик легко вскочил на жеребца, подведенного телохранителями, и скрылся в темноте.

Неожиданно послышалось ржание и топот коней. У костра воины насторожились, вскакивая с земли, хватаясь за оружие.

Из темноты показался Чепни. В руках у него сверкал обнаженный меч. Разгоряченный боевой конь отважного воина перепрыгнул через костер и остановился у черного знамени. Молодой огуз рубанул мечом, и тяжелое полотнище скомканно упало. Беснуясь, жеребец наступил на черный шелк копытами и разодрал его на куски.

– О, черный день выпал, на мою голову! – закричал Чепни. – Мой нож скользнул по кости. Но клянусь, я перегрызу эту кость собственными зубами!

– Ты от злости ослеп, – сдерживал его Джавалдур. – А со слепым о цвете не говорят! Пойми одно – я сам натянул бы его кожу на барабан.

– А что мешало забить кол в тыкву? Мое сердце наполнилось бы гордостью, видя, как меч славного Джавалдура восстанавливает справедливость.

– Дразнить настороженного тигра?

– Я вижу трусость и жалкое рабство!

– Да, налог кровью, который требует в этой битве от нас султан, тяжелый налог. Многие семьи огузов останутся без... пастухов. Ты хочешь, чтобы я до битвы бросил кость между двумя волкодавами? Ярость затмила твои глаза, Чепни. Потерпи! Настанет день и час, когда скрестятся наши мечи с Онгоном, и полетят искры. Я возьму нужное из вороньего гнезда...

Именитые воины, хлестнув коней, рванулись к отдаленным кострам, где слуги давно ждали дичь для ужина.

Беспокойно было и за высокими стенами Самарканда. Там все громче слышался звон кузнечных наковален и молотков. Мастера до рассвета ковали оружие. И в этом перезвоне горячей стали слышалась грозная мелодия близкого боя. Огня пока не было видно, но сердца, закованные в железо, уже горели, требуя новых побед.

* * *

В темноте отряд наткнулся на Ягмура.

– Где этот проклятый аллахом горбун? Рука моя ищет шею, на которую должен опуститься меч.

– Обидеть горбуна – не подчиниться воле султана! – предупредил Джавалдур.

– Когда коровы пьют воду, телята облизываются. Храбрый Джавалдур, не слишком ли долго мы, огузы, облизываемся, пока такие горбуны у трона набивают свои кишки нашим счастьем?

– Чепни, сено не косят палкой. Вспомни о клятве, дан-гей джигитам. Всему свой час.

– Но я помню и другую клятву, которую дал храброму богатуру в степи у костра. Я назвал его братом по кро-ьи, славный Джавалдур. Должен ли я оставаться в стороне, когда брат нуждается в помощи? И если нужно, я пойду против султана. Все знают, что Чепни истинный огуз. А для огузов свобода дороже всего... Учитель и боевой друг, готовь отряды к походу на Самарканд, а мы поищем эту горбатую, ядовитую змею. Если жало горбуна дотронулось до прекрасной Аджап, то наши мечи отомстят за все!

Почти всю ночь всадники искали Аджап и горбуна. И лишь к рассвету кравчий Анвар, числившийся теперь главным вешателем, узнав о горе Ягмура, сообщил, что горбун вместе с маленьким отрядом должен был перебраться через Сыр-Дарью и тайными ходами проникнуть в Самарканд.

– Пробираясь мимо шатров, – добавил таинственно Анвар, – я слышал, как горбун учил кого-то смазывать наконечники стрел ядом... Горбун зло говорил о войне в шкуре барса. Берегись, джигит!..

– Пусть помнит об этом горбун! – ответил Чепни. – Судьба его на острие меча.

– Знайте и другое, славный Чепни: то количество стрел, которое было отравлено ядом, слишком много для одного сердца. Берегитесь! Суровая судьба породнила вас, да отведет Аллах черное крыло смерти!

– Анвар, а что таит бывший смелый кравчий?

– Боюсь, что догадку примут за утверждаемое.

– Говори, здесь нет женщин и болтливых.

– Недавно горбун долго беседовал с султаном... А я случайно слышал разговор Санджара со своей бывшей наложницей Зейнаб. Из их разговора я понял, что горбун донес владыке о какой-то клятве заговорщиков огузов. – Говори лучше о Зейнаб! – перебил Ягмур.

– Сначала о доносе, – потребовал Чепни. – Говори...

– Берегитесь отравленных стрел, – еще тише добавил Анвар.

– Покажи нам тех собак, которые кусают из-за угла!

Всадники объехали лагерь и остановились у шатра, где разделявали тушу барана. У котла возились трое. Чепни и Ягмур признали в них слуг хозяина караван-сарая.

– Берегитесь эмира Кумача, – прошептал Анвар. – Он хочет столкнуть огузов с султаном.

– Взглянет в лицо – узнает наш характер, – сердито ответил Чепни.

Ягмур хотел знать о другом.

– Достопочтенный Анвар хотел рассказать о Зейнаб. Эта женщина решилась пойти к султану вместо Аджап, чтобы ослабить его мужскую силу? – спрашивал Ягмур, подступая к вешателю.

– Вах, хитрость бедняжки Зейнаб была разгадана. Ее бросили в воду...

Чепни простонал:

– Смерть султану Санджару! Ягмур заскрипел зубами.

Кони сорвались с места и скрылись в джунглях. – Джигиты, берегитесь отравленных стрел, – донеслось из зарослей камыша. – Оберегай вас Аллах!.. Taryhu proza